

Отец Браун

Гилберт Честертон
Поединок доктора Хирша

«ЭКСМО»

1914

Честертон Г. К.

Поединок доктора Хирша / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1914 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43811-8

«Месье Морис Брюн и Арман Арманьяк с жизнерадостно-респектабельным видом пересекали залитые солнцем Елисейские поля. Оба были невысокими, бойкими и самоуверенными молодыми людьми. Оба носили черные бородки, которые казались приклеенными к лицу по странной французской моде, предписывающей, чтобы настоящие волосы казались искусственными. Месье Брюн носил эспаньолку, словно прилипшую под его нижней губой. Мистер Арманьяк для разнообразия обзавелся двумя бородами, по одной от каждого угла его выдающегося подбородка. Оба они были атеистами с прискорбно узким кругозором, зато умели выставить себя напоказ. Оба были учениками великого доктора Хирша – ученого, публициста и блюстителя морали...»

ISBN 978-5-457-43811-8

© Честертон Г. К., 1914

© Эксмо, 1914

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Кийт Честертон Поединок доктора Хирша

Месье Морис Брюн и Арман Арманьяк с жизнерадостно-респектабельным видом пересекали залитые солнцем Елисейские поля. Оба были невысокими, бойкими и самоуверенными молодыми людьми. Оба носили черные бородки, которые казались приклеенными к лицу по странной французской моде, предписывающей, чтобы настоящие волосы казались искусственными. Месье Брюн носил эспаньолку, словно прилипшую под его нижней губой. Мистер Арманьяк для разнообразия обзавелся двумя бородами, по одной от каждого угла его выдающегося подбородка. Оба они были атеистами с прискорбно узким кругозором, зато умели выставить себя напоказ. Оба были учениками великого доктора Хирша – ученого, публициста и блюстителя морали.

Месье Брюн приобрел известность благодаря своему предложению исключить слово «Adieu»¹ из сочинений французских классиков и ввести мелкий штраф за его использование в повседневной жизни. «Тогда, – говорил он, – само имя вашего выдуманного бога в последний раз коснется человеческого слуха». Месье Арманьяк специализировался на борьбе с милитаризмом и хотел изменить слова в тексте «Марсельезы» с «Aux armes, citoyens»² на «Aux greves, citoyens»³. Но его пацифизм имел любопытную галльскую особенность. Один известный и очень богатый английский квакер, встретившийся с ним ради того, чтобы обсудить план разоружения во всем мире, был весьма озадачен мнением Арманьяка, который для начала предложил, чтобы солдаты перестреляли своих офицеров.

В этом отношении двое молодых людей сильно отличались от своего руководителя и философского наставника. Хотя доктор Хирш родился во Франции и удостоился наивысших заслуг на ниве французского просвещения, по своему темпераменту он был склонен к мягкости, мечтательности и гуманизму, а его скептицизм мирно уживался с трансцендентальным идеализмом. Иными словами, он больше напоминал немца, чем француза, и как бы молодые галлы ни восхищались своим учителем, их неосознанно раздражала его слишком миролюбивая проповедь миролюбия. Однако для их единомышленников по всей Европе доктор Хирш был едва ли не святым от науки. Его смелые и масштабные теории мироздания сочетались с уединенной жизнью и бесхитростной, хотя и холодноватой моралью. В его позиции имелось что-то от Дарвина и Толстого, но он не был ни анархистом, ни космополитом. Его взгляды на разоружение были умеренными и эволюционными; республиканское правительство даже доверило ему работу над усовершенствованием разных химических соединений. Его последним открытием стало бесшумное взрывчатое вещество, состав которого хранился в строжайшей тайне.

Дом доктора Хирша стоял на живописной улочке неподалеку от Елисейских полей, где летом было не меньше зелени, чем в городском парке. Ряды каштанов дробили солнечный свет, прерываясь лишь на летней площадке перед большим кафе. Почти напротив кафе можно было видеть белые и зеленые шторы на окнах дома великого ученого, а второй этаж опоясывал балкон с железными перилами, тоже выкрашенными в зеленый цвет. Арка внизу вела во внутренний двор с кирпичными бордюрами, обрамлявшими цветущие кусты. Именно туда и направились два француза, оживленно беседовавшие друг с другом.

Им открыл Симон, старый слуга доктора, который мог бы сойти за самого ученого в своем черном костюме, в очках, с седыми волосами и доверительными манерами. В сущно-

¹ Прощайте (*фр.*). Слово происходит от «Dieu» т. е. «Бог».

² К оружию, граждане (*фр.*).

³ На забастовки, граждане (*фр.*).

сти, он выглядел гораздо более презентабельно, чем его хозяин, напоминавший раздвоенную редиску с достаточно большой головой, чтобы тело казалось незначительным. С серьезностью знаменитого врача, вручающего рецепт, Симон передал Арманьяку запечатанное письмо. Тот нетерпеливо вскрыл конверт и быстро прочитал следующее:

«Я не могу выйти и побеседовать с вами. В доме находится человек, с которым я отказался встретиться, – некий офицер-шовинист по фамилии Дюбоск. Сейчас он сидит на лестнице. Он уже переломал мебель в других комнатах. Я заперся в своем кабинете, напротив кафе. Ради меня, прошу вас пойти в кафе и подождать за столиком на летней веранде. Я постараюсь отправить его к вам. Я хочу, чтобы вы ответили на его вопросы и разобрались с ним. Сам я не могу этого сделать – просто не могу и не буду.

Кажется, у нас будет еще одно дело Дрейфуса.

П. Хирш».

Месье Арманьяк посмотрел на месье Брюна. Месье Брюн взял письмо, прочитал его и посмотрел на месье Арманьяка. Затем молодые люди бодрым шагом направились к столику кафе под каштанами на другой стороне улицы, где заказали по высокому бокалу жуткого зеленого абсента, который они имели обыкновение пить в любое время и в любую погоду. В кафе почти не было посетителей. За одним столиком пил кофе одинокий солдат, за другим сидел здоровяк со стаканом сидра и священник, который вообще ничего не пил.

Морис Брюн откашлялся и произнес:

– Разумеется, мы должны всячески помогать мэтру, но...

Наступило гнетущее молчание.

– Вероятно, у него есть веские основания для того, чтобы не встречаться с этим человеком, но...

Прежде, чем кто-либо из них успел закончить фразу, стало ясно, что незваный гость наконец был изгнан из дома напротив. Кусты под аркой заколыхались, разошлись в стороны, и прищелец вылетел наружу, словно пушечное ядро.

Это оказался коренастый мужчина в тирольской фетровой шапочке, заломленной на затылок, да и во всем его облике было нечто тирольское. Он был приземистым и широкоплечим, но его ноги в бриджах до колен и вязаных чулках имели довольно эксцентричный вид. На смуглом, как лесной орех, лице выделялись очень яркие и беспокойные карие глаза, темные волосы спереди были волной зачесаны на лоб, а сзади коротко подстрижены, очерчивая массивный угловатый череп; кончики больших черных усов в форме бизоньих рогов заливчато смотрели вверх. Такая мощная голова обычно подразумевает бычью шею, но шея по самые уши была обмотана длинным цветным шарфом, подоткнутым спереди под куртку на манер модного жилета. Необыкновенный шарф темно-красной, золотистой и фиолетовой расцветки, судя по всему, имел восточное происхождение. В целом незнакомец производил варварское впечатление и больше напоминал венгерского помещика, чем французского офицера. Однако его выговор был безупречным, а французский патриотизм бил ключом, доходя до легкого абсурда. Когда он выкатился из-под арки, то первым делом бросил звонкий клич «Есть ли здесь французы?», как будто созывал христиан в Мекке.

Арманьяк и Брюн немедленно поднялись с мест, но было уже слишком поздно. Люди сбегались со всех сторон, и вокруг незнакомца уже образовалась небольшая, но постоянно растущая толпа. С чисто французским чутьем на уличную политику черноусый мужчина добежал до угла летней веранды кафе и вскочил на один из столиков. Ухватившись за ветку каштана для равновесия, он вскричал зычным голосом, как Камилл Демулен, разбрасывавший в толпе дубовые листья.

— Соотечественники! — надрывался он. — Я не умею говорить красивые речи, но поэтому и обращаюсь к вам! Краснобаи, что сидят в своих гнусных парламентах, умеют отмалчиваться, когда им это нужно, — точно так же, как и этот шпион, что скрывается в доме напротив! Он молчал, когда я колотил в дверь его спальни! Он и сейчас молчит, хотя слышит мой голос с другой стороны улицы и трясется от страха! О, эти политиканы умеют красноречиво отмалчиваться! Но пришло время, когда мы, не наученные красивым речам, должны сказать свое слово. Вас предали пруссакам. Вас предают прямо сейчас, а предатель живет в соседнем доме! Я Жюль Дюбоск, полковник артиллерии из Белфорта. Вчера в Вогезах мы поймали немецкого шпиона и нашли при нем документ, который я держу в руках. Конечно, дело пытались замять, но я отнес документ автору — человеку из этого дома! Это записка, написанная его почерком и помеченная его инициалами. В ней содержится указание, где найти рецепт изготовления нового, бесшумного пороха. Его изобрел Хирш, который и написал эту памятку. Она написана по-немецки и найдена в кармане немецкого лазутчика. «Скажите ему, что формула пороха, написанная красными чернилами, находится в сером конверте в первом ящике слева от стола секретаря Министерства обороны. Ему нужно соблюдать осторожность. П. Х.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.